

УДК 82.0

И.В. Козлик

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Исследуется проблема методологической и теоретической рефлексии мультикультурного фактора в литературоведческом аспекте. Проявление мультикультурности не сводится к отдельным проявлениям или формам (интертекстуальность, перевод, маргинальные явления и т. п.); сущность мультикультурализма обнаруживается в общественно-культурном процессе, определяющем границы, формы и цели вхождения мультикультурных составляющих в художественную словесность и современный литературоведческий дискурс.

Ключевые слова: *литературоведение, мультикультурализм, методологическая рефлексия, гуманитарные науки, глобализация.*

Современным культурно-цивилизационным процессам, с которыми связан феномен мультикультурализма, свойственны противоречивые интенции. «Человечество, — читаем у П. Рикёра, — рассматриваемое как единое целое, вступает в эру общепланетарной цивилизации, что свидетельствует о колоссальном прогрессе во всех областях жизни, но в то же время ставит сложнейшую задачу адаптирования культурного наследия к этому новому состоянию и его сохранения. Все мы в той или иной степени и тем или иным образом ощущаем груз противоречия между неизбежностью этого взлёта и прогресса, с одной стороны, и необходимостью спасти унаследованное культурное достояние – с другой» [1. С. 316].

При исследовании проблемы неприемлем сугубо объективистский подход. Компетентное рассмотрение предусматривает определённую структурную последовательность: во-первых, определение продуктивного исследовательского пространства, регулирующего в своих пределах эвристическую деятельность; во-вторых, выстраивание общего взгляда на исследуемое явление («онтологической картины»), который позволит удерживать во всём разнообразии локальных подходов единство дискурса, обеспечивающее необходимую степень конкретности и трансляторности. В освещении проблемы соотношения литературоведения и мультикультурализма решению первой задачи служит методологическая рефлексия, решить же вторую задачу призвана рефлексия теоретическая.

Несмотря на то, что мультикультурализм считается достаточно новым понятием для восточноевропейской литературной критики и культурологии (из-за чего термин «вызывает нередко сомнения и неприятие» [2. С. 8]), само явление (или его отдельные составляющие, например эмигрантское сознание) разными способами и без использования самого термина¹ часто находилось в поле зрения литературоведов, в частности тех, кто занимался исследо-

¹ Аналогично термин «постмодернизм» во Франции оказался «настолько не востребованным, что порой без него обходятся целые монографии» [45], но это не означает, что обозначенное им явление французскими критиками не рассматривается.

ванием форм межкультурной коммуникации, полиэтнических литератур, множественности культурных традиций в литературе и т. п. Так, в объектную сферу литературоведческих исследований с обязательной мультикультурной составляющей входят литературы традиционно культурных сообществ и государств. В этом отношении показателен опыт литературоведческой американистики, в том числе и украинской (см.: [3–11]). Как известно, с определённого момента в издательской деятельности, литературной критике и высшем образовании США произошли решительные изменения в оценке мультикультурных явлений: по выводам И. Ткаченко, «произведения афроамериканцев, чикано², коренных американцев, азиатоамериканцев, женщин, сексуальных меньшинств, ранее исключённые из литературы “основного потока”, стали неотъемлемой частью американской культурной жизни» [13]. Именно в культуре США, особенно на рубеже XX–XXI вв., мультикультурализм стал всеохватывающим фактором развития, и освещение картины современной американской литературы в аспекте влияния мультикультурализма существенно изменяет общее представление о ней (см., например: [2, 14–17]).

Особенный и богатый материал для исследования проблемы мультикультурализма предоставляет и постсоветское культурное пространство. Его изучение позволяет высветить сложный характер взаимодействия глобализации, литературы и литературоведения в соотношении с многочисленными трансформациями западной «модерности», рассмотреть конкретные проявления в мировом литературном процессе «детерриторизации», «гибридизации», «транскультурации», «креолизации», «полилингвизма», «коммерциализации», «канонического контрдискурса» и других распространённых проявлений культурной глобализации, а также связанные с определёнными эпистемологическими моделями («критический космополитизм», «колониальность власти» и др.) альтернативные незападные варианты глобализации. Именно под таким углом зрения в труде М.В. Тлостановой «Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда» (2004) (см.: [18]) с различной степенью приближения рассматривается творчество таких писателей, как П. Крусанов, В. Ерофеев, А. Волос, А. Мамедов, Ю. Андрухович, О. Забужко, П. Вайль, Т. Толстая, В. Сорокин, В. Бутромеев, П. Теру, Дж. М. Коэти, П. Боулз, Д. Танидзаки, Н. Гордимер, О. Памук, Дж. Кинкейд, М. Дюрас, С. Рушди, П. Кери, Дж. Риис, М. Лоренс, Д. Дэбидин, Э. Лавлейс, У. Харрис, Э. К. Бретуэйт и др.

Говоря об объектной сфере литературоведческих исследований с мультикультурной составляющей, нельзя не назвать труды, в которых рассматривается культурный фон украинского национального литературного процесса. В новейшем украинском литературоведении сюда относятся исследования литературных явлений, возникших в условиях мультикультурного топоса буковинского города Черновцы, например работы П.В. Рыхла «Поэтика диалога. Творчество Пауля Целана как интертекст» (2005) и «Шибболет. Поиски еврейской идентичности в немецкоязычной поэзии Буковины» (2008) (см.: [19, 20]), а также актуализация проблемы русскоязычной литературы Украины, инициированная учёными Института литературы им. Т.Г.Шевченко НАН Ук-

² Феномен мексиканско-американской литературы (см. об этом: [12])

райны П.В. Михедом и Н.Р. Мазепой публикацией статей в киевском журнале «Радуга» (см.: [21, 22, 23]; а также сайт этого научного проекта: [24]).

Проявление мультикультурализма в разных цивилизационных сферах (политике, социуме, культуре, образовании, художественном творчестве и др.), рост аналитической продукции, различными способами рассматривающей этот феномен, побуждает определить, всегда ли мультикультурный фактор входит в современный литературоведческий дискурс.

Сложность системной аналитической разработки проблемы мультикультурализма определяется тем, что отсутствует определённость понятия³ и что явление не имеет общепринятой аксиологической идентификации: его сторонники акцентируют только положительные последствия (см.: [27]), критики обращают внимание на риски, опасности и отрицательные социокультурные последствия, оценивая мультикультурализм как проявление утопизма. Идея мультикультурализма как политико-социальной конструкции проблематизируется не только фактором ислама, например, в Европе (см.: [28–33]; опыт США привёл, например, американского социолога индийского происхождения Динеша Д’Суза к выводу о том, что общество не может позволить себе роскошь культурного плюрализма как равноправного сосуществования многих культур (см.: [34]). Это позволяет говорить сегодня о том, что «дискурс мультикультурализма, возникший на волне демократического обновления общества и связывавшийся с прогрессирующей гуманизацией человеческого общежития, выступил в совершенно новом качестве» – «как идеология последовательных оппонентов демократии» [35]⁴. В отличие от

³ Понятие «мультикультурализм» было использовано в 1957 г. для характеристики политики Швейцарии, окончательно вошло в научно-политический обиход в 1971 г., когда в Канаде правительство премьер-министра П.Э. Трюдо приняло Официальный акт о мультикультурализме (см.: [25, 26]). Одни авторы придают этому понятию дефинитивное значение (толерантная политика и обосновывающая её идеология или теория; плюралистическая культурная парадигма; идея политико-социальной конструкции; состояние общественных отношений; политическая формула; разработанная модель законов, политических тактик и нормативных концептов; общественная реальность и дискурс этой реальности; политический проект; общество со сложным этническим составом; направление в литературоведении и культурологии и др.). Другим это понятие представляется непонятным, порождающим политику межкультурной интеграции в фетиш (Брайан Уолден: «...наши деды и прадеды не знали, что живут в многокультурном обществе, потому что никто не пользовался этим термином. Многие пользуются им и сегодня. И ещё меньше людей употребляют слово “мультикультурализм”. Этот “изм” очень подозрителен» [29]; (см. также: [2. С. 8]); Чарльз Тейлор: народы-завоеватели ранних эпох «были вполне довольны сосуществованием с большим количеством субъектов чрезвычайно отличных от них самих. И чем больше их было – тем лучше. ... Древние империи очень часто представляют яркое напоминание о “мультикультурной” толерантности и мирном сосуществовании» [48]; В. Малахов: «Слово “мультикультурализм” провоцирует недоразумения. Оно не было однозначным уже в пору своего возникновения, а за полтора десятилетия его использования в публичных дебатах обросло самыми противоречивыми, вплоть до взаимно исключающих, значениями...», а поскольку «термин “мультикультурализм” сегодня прочно связывается с этнически и конфессионально мотивированным изоляционизмом, вряд ли уместно пытаться его удерживать, освободив от негативных коннотаций и придав ему граждански-демократический смысл» [30].

⁴ «Освобождение единичного из-под ярма Всеобщего (“тотального”), т. е. попытка преодолеть насилие, обернулось новым насилием по отношению к единичному. Провозглашенное от лица Разнообразия восстание против тотализующего Единства вылилось в многообразии

И. Ушановой, считающей невозможным дать сегодня однозначный ответ на вопрос о перспективах дискурса мультикультурализма (см.: [31]), В. Малахов высказывает сомнение в дискурсе мультикультурализма как адекватном выражении (в любых сегодняшних условиях) культурного плюрализма: «...идеология мультикультурализма – скорее препятствие на пути формирования мультикультурного общества, чем средство такого формирования. Кто бы ее ни отстаивал... мультикультурализм, возведенный в идеологию, блокирует демократический плюрализм, подменяя гражданское общество совокупностью автономных и конкурирующих друг с другом “культурных сообществ”» [36. С. 159].

Проблема мультикультурализма манифестирует реальную остроту и сложность общественно-политических, социально-экономических и социокультурных (в широком смысле слова, включая и антидемократические, межрасовые, межнациональные, образовательные, межрелигиозные, межконфессиональные и другие составляющие) условий, сложившихся в современном мире, которые из-за высокого потенциала конфликтности требуют обязательного разрешения (см.: [37–40]). Ситуация усложняется тем, что, «несмотря на большое количество литературы, посвящённой мультикультурализму, и активные дебаты, существует проблема восприятия и готовности серьезно обсуждать связанные с ним вопросы» [41]⁵.

Отсюда проистекает сложность определения мультикультурных явлений в современном литературоведческом дискурсе, в том числе характеристики таких явлений, как интертекст, перевод, маргинальные явления, интернет-культура и т. п.; их литературоведческое определение должно учитывать:

1) актуальность проблемы мультикультурализма в иерархии проблем современного культурно-цивилизационного существования человечества;

2) мультикультурализм не является литературно-художественным явлением, а представляет собой «весьма противоречивое междисциплинарное явление, включающее идеологические, философские, художественные аспекты и оперирующее в сферах антропологии, социологии, политологии, экономики, историографии, педагогики, наконец, литературоведения и философии» [2. С. 7];

3) проблема мультикультурализма является комплексной проблемой, не могущей локализоваться в пределах какой-то одной науки (в данном случае – литературоведения) без систематического внимания к тому опыту, который имеют в её освещении другие науки.

мелких деспотий. Карнавал *гетерогенности* закончился принудительным культивированием новых *гомогенностей*», – писал В. Малахов [35].

⁵ Часто оппоненты мультикультурализма считают надуманной проблему: «...французские интеллектуалы добавляют к слову “мультикультурализм” определение “американский” и тем самым дискредитируют саму идею как абсолютно для них чуждую» (французский социолог Мишель Вьевиорка) (см. [41]); «реакция отторжения и трудного восприятия мультикультурализма наблюдается и в постсоветском пространстве». «Если во Франции многокультурность как бы угрожает давней идее единой французской нации, то в России доктрина многих культур может восприниматься как угроза замещения наций в их этническом смысле» (В. Тишков) [41].

В той степени, в которой мультикультурализм становится фактором литературного процесса, а литературоведение участвует в формировании общественно-идеологической картины мира, стоит также учитывать:

1) в демократическом векторе социально-культурного развития невозможно отказаться «от мероприятий по *организации общежития в условиях культурной плюральности*», поскольку «культурное различие есть конститутивный момент демократического общества» [30];

2) культурно плюралистическое общество – это общество, где «нет “господствующей культуры”», «понятие “культура” не прикреплено к понятию “этнос”» и «индивидам предоставлена свобода выбирать, какие культурные образцы являются их “собственными”» [30];

3) культурное разнообразие, как напоминает В. Малахов, включает в себя разнообразие жизненных стилей, культурных ориентаций и тенденций и никоим образом не сводится к этническому разнообразию, а поэтому культурный плюрализм «состоит не в параллельном существовании автономных “идентичностей”, а в их взаимодействии, что предполагает как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию»; это обуславливает необходимость направлять политику культурного плюрализма в демократическом обществе на формирование общего надэтнического и надконфессионального пространства (см.: [30, 41]). Большое значение приобретает формирование сознания, нацеленного на восприятие художественных манифестаций *инаковости*, поскольку «любая степень открытости литературе и искусству других стран неизбежно оказывает влияние на общество — в том числе влияние, связанное с имитацией и культурным заимствованием» [38].

Таким образом, рассмотрение проблемы мультикультурализма (в литературоведении, в частности) предусматривает освещение целого ряда взаимосвязанных нелитературных и нелитературоведческих вопросов, которые в совокупности образуют структурную иерархию. Это усиливает в литературоведческом дискурсе значимость внелитературных факторов – общеисторических, политических и экономических. Такие характеристики можно свести к нескольким пунктам.

1. Появление мультикультурализма, по Н. Буррио, является следствием унификации культуры (глобализации в художественной сфере), вызванной глобализацией (унификацией) мировой экономики. «“Глобальное” искусство и мультикультурализм отражают новую стадию исторического процесса, которой мы достигли после падения Берлинской стены и которой не всегда можем вполне соответствовать». Господствующая сегодня в мире идеология мультикультурализма стремится «количественно» решить «проблему конца модернизма», о которой сигнализирует всё большее признание «культурных особенностей». Унификация культуры оказывается явлением, «прежде всего, политическим: современное искусство постепенно входит в согласие с ритмом глобализации, которая стандартизирует экономические и финансовые структуры, создавая из разнообразия форм его прямую противоположность – единообразие». Современный художник «отражает в своей практике в большей степени не свою национальную культуру, а мир экономического производства (и, следовательно, политики), внутри которого она развивается». Буррио уравнивает силу воздействия глобализации на художников «центра»

и «периферии»: «Насколько бы полярными ни были позиции художника из стран “периферии” (страдающего от навязанного ему предъявления своего “отличия”) и художника “центра” (обязанного демонстрировать критическую дистанцию по отношению к принципам и форматам своей глобализированной культуры), они оба оказываются отчуждёнными от собственного контекста. У этого феномена есть имя – самовоссоздание».

Искусство, рождённое эпохой экономической глобализации, всё же не представляет собой «зеркало, в котором может узнать себя эпоха», поскольку «не производит имитаций современных процессов и образов». Искусство глобализирующегося мира, «то приближаясь к реальности, то удаляясь от нее навстречу абстрактным или архаическим формам, вступает с реальностью в сложную игру подчинения и сопротивления. Использование новых технологий, языка рекламы или компьютеров не гарантирует искусству общённость к современности». Но и не признавать очевидных изменений в современной живописи (добавлю: и в литературе) и воспринимать только традиционную технику означает, по мнению Н. Буррио, привести искусство к небытию: «Сегодня искусство сообщает об эволюции глобальных процессов производства, о внутренних противоречиях реальности, о несоответствии желаемого и действительного образов эпохи. Причем, учитывая, что образы в нашу эпоху становятся посредниками между людьми и их повседневной жизнью или между самими индивидуумами, нет ничего удивительного в том, что искусство порой отступает от функции изображения для того, чтобы самому стать частью реальности» [42]. Иначе говоря, в той степени, в которой современное искусство предстаёт составляющей современной глобализированной реальности, оно ангажировано нехудожественной реальностью.

В разговоре о глобализированном мире искусства, входящем в тенденцию мультикультурализма, стоит помнить о его неоднородности, когда «различные его зоны отмечены не столько даже культурными различиями, сколько разными уровнями экономического развития». У Н. Буррио речь идёт о неравномерности экономического развития стран мира, при которой далеко не все из них прошли стадию «индустриализма» и «информационализма» (М. Кастеллс), о том, что художественная практика доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных стран отличается. Это, отмечает Н. Буррио, рождает проблему включения художников «периферийных» стран, которые живут на родине, «в центральную систему современного искусства»: «Можно ли в действительности полагать, что все рождающиеся в современном мире художественные образы равноправны и в равной мере свободны?» В условиях глобализации считается очевидным, что «импорт – экспорт различных форм возможен лишь в эпицентре глобальной системы» [42].

2. Господствующий сегодня мультикультурализм, по мнению Н. Буррио, предстаёт версией интернационализма, в таком случае мультикультурализм является производным западоцентризма: «Художественный мультикультурализм... представляет собой идеологию, где универсальный язык Запада доминирует над национальными культурами, которые наделяются значимостью лишь при условии, что они выступают как типические, т. е. несущие в себе “отличие”, ассимилируемое этим международным языком» [42].

Похожий вектор размышлений актуализируется в компаративном рассмотрении мультикультурализма с ментальными интенциями эпохи постмодерна; как модель культуры и тип идеологии он созвучен, по мнению В. Мамоновой, эстетическим и философским основам постмодерна⁶. Фрагментация и ризоматичность [43. С. 20] представляет собой «выражение культурной калейдоскопичности преимущественно западноевропейской цивилизации и не освещает реального положения дел в других историко-культурных зонах»⁷. В. Мамонова подчёркивает, что «культура постмодерна, легитимировавшая множественность как субстантивное начало, определила мультикультурализм и как мировоззренческую позицию, в которой толерантность, терпимость по отношению к культурной инаковости суть также выражение особенного. Терпимость, но не понимание Другого – это тот водораздел, дистанцирующий культуры друг от друга при атомарном и по возможности безопасном мультикультурном сосуществовании, который был определен С. Жижекком [44. С. 110] как проявление превосходства европейской культуры, не столько открыто диктующей свои ценности, сколько контролирующей формирование ценностных предпочтений в других культурах» [26].

Именно генетическая связь с западоцентризмом устанавливает одно из ключевых ограничений относительно мультикультурализма: «Современное искусство исторически является западным конструктом, но означает ли этот несомненный факт, что оно вмняет другим свою, западную традицию?» «Мультикультурализм... является идеологией ассимиляции культуры Другого», который воспринимается «первозданным» носителем экзотических особенностей в противовес «глобализированной» (= универсальной) американской культуре; однако «было бы наивным считать произведение “современного” искусства выражением “первозданности” культуры, откуда родом ее автор» [42].

3. Существование мультикультурализма в эпохе постмодерна связывает его с антимодерными процессами, призванными деконструировать базовые основания эпохи модерна, в частности принцип универсальной рациональности⁸. Участие мультикультурализма в деконструкции основ модерна показало подчинённость дискурса мультикультурализма, как пишет В. Малахов, «неустраимой амбивалентности всякого дискурса». Речь идёт о появлении (в условиях отказа современных консерваторов от либерально-

⁶ Имеются в виду размывающий границы видов искусств стилистический плюрализм, диффузия больших стилей, преобладание горизонтальных связей-сцеплений над вертикальными иерархическими отношениями, ироничность и недоверие к «метанаррациям», выдвигание на первый план децентрированного субъекта (дивида), для которого решающими являются проблемы идентичности и выбора ценностных привязанностей.

⁷ Напомню, что термин «ризом» у Ж. Делёза и Ф. Гваттари определяет модель постмодернистской культуры.

⁸ В. Малахов перечисляет разные дискурсы, разрушающие европейскую мысль Нового времени: идеи «диалогизма» от М. Бубера до М. Бахтина; концепция «инаковости» Э. Левинаса; «смерть субъекта» М. Фуко; тезис о примате «различия» (*différence*) над тождеством Дерриды и Делёза; радикальный скепсис Лиотара по отношению к «большим наррациям»; «структурный психоанализ» Лакана. «Инаковость» и «различие» внедряются в арсенал воинствующего феминизма и мультикультурализма» [35].

гуманистических / универсальных ценностей и обращение как к альтернативе к культурному плюрализму) «в высшей степени любопытного интеллектуального перевёртыша» – реактивного мультикультурализма, с которым столкнулись в начале 1990-х гг. США и Канада. Его носители – этнические и культурные меньшинства – настаивают на радикальном отличии, «ни о каком сближении просто не может быть речи». Агрессивность позиции отделения меньшинств, которую, по мнению В. Малахова, можно описать в терминах «стигматизированной идентичности», как «добровольное принятие стигмы», позволяет современным исследователям оценить реактивный мультикультурализм как «следствие девальвации ценностей», когда «инаковость», которую привыкли ассоциировать «с моральным идеалом признания, стала кодовым словом для стратегий *segregation*», а «апология инакости превратилась в проповедь чуждости» [35].

Комплекс проблем мультикультурализма порождает два важных последствия: во-первых, он побуждает литературоведение к выделению своей предметной части (области) в общем комплексном объекте, тех гносеологически-эвристических уровней, которые соответствуют компетенции науки о литературе; во-вторых, последовательный учёт наработок других наук в изучении мультикультурализма предусматривает взаимодействие: нахождение определённых методологических ограничений, создание механизмов междисциплинарного синтеза, неминуемых трансформации, адаптации, коррективки, редукции и т. п. в сфере литературоведения результатов других наук.

Очевидна связь проблемы мультикультурализма с постколониальными исследованиями (*post-colonial studies*), направленными на изучение исторических проявлений колониализма и преодоление их последствий в современном мире «интердисциплинарным проектом» (Э. Саид, Х. Баба, Г.Ч. Спивак), который реализуется «в форме литературоведческой дисциплины, призванной заменить традиционный евроцентристский академический подход» [47. С. 7, 8]. Это должно касаться не только изучения англоязычной словесности и культуры (*English studies / Commonwealth studies*), но в не меньшей степени любых разновидностей мультикультурного типа словесной культуры, в том числе и на постсоветском пространстве, включая использование к их литературоведческому исследованию переосмысленных категорий: «постколониальная культура», «имперский дискурс», «колониальное покорение», «ориентализм», «гибридность» и «маргинальность» (использование стратегии, представленной этой парой понятий см.: [48]), «мимикрия», «идентичность» и т. п.

В литературных процессах мультикультурных стран (как и вообще в искусстве глобализированного мира) наблюдаются специфические проявления мультикультурализма (в широком значении слова), классификационное обобщение которых тоже позволяет выявить характерные варианты их исследования.

Такие проявления встречаем, в частности, у *писателей с кросскультурным опытом*⁹, включающим в себя различные национально-культурные составляющие. Эти писатели представляют интернационализированную (по определению М. Бедбери) постколониальную литературу, т. е. их творчество (которое А.Р. Гунератне называет литературой полукровок («mongrel literature»), М.В. Тлостанова – литературой пограничья, а Г. Чхартишвили – литературой андрогинов) нельзя однозначно отнести к какой-то одной национальной литературе. Они воплощают в своих произведениях характерную для мировой англоязычной литературы конца XX–XXI в. тенденцию к размыванию рамок национальных литератур под воздействием процессов глобализации. В то же время их связь с постмодернистской парадигмой приводит к так называемой «кроссжанровости», под которой понимают структурное отражение постмодернистской категории маргинальности, взаимодействия между самыми разнообразными видами письма и противоречивую родовую принадлежность произведений, базирующихся на соединении черт эпоса, драмы и лирики. Такие произведения различным способом (посредством изображения эпохальных событий, выбора персонажей с «гибридным» национальным и цивилизационным происхождением, интертекстуальности в разных её проявлениях и т. п.) моделируют космополитический опыт принадлежности к разным культурам в направлении актуализации вопросов идентичности, принадлежности индивида к определённым коллективам (нация, семья, профессиональное сообщество). Ярким репрезентантом этой группы считается, например, творчество индуса из Шри Ланки Майкла Ондаатже (Michael Ondaatje) – автора романа «Английский пациент» (English Patient, 1992), первым в истории канадской литературы произведением, отмеченным Букеровской премией (см.: [47]).

Другим проявлением мультикультурализма в художественной литературе, в частности в диалоге и взаимодействии этнических традиций (см.: [49. С. 7–8, 34–35]), можно считать творчество *писателей-референтов иноэтнокультуры* в большой (по объёму) национальной литературе, которые создают этнокультурные тексты, содержащие не только собственную национальную составляющую, но и составляющую той культуры, в пространстве которой они создаются и функционируют и которая таким путём тоже входит в сферу их национального. В этнокультурных текстах художественный мир автора приобретает очертания, связанные с истоками его культурно-национальной (включая и религиозную) *инакости*, они рассказывают другому по своей национальной принадлежности реципиенту о своём народе, его культуре, национальных образах мира, «выступая комментаторами, толкователями, посредниками между двумя ментальностями: “своей” <потому что

⁹ Под кросскультурными коммуникациями понимают общение и взаимодействие представителей разных культур. Термин „кросскультура” является буквальным переводом с английского «Cross Culture», означающего «пересечение культур». Это понятие в названиях зарубежных книг по кросскультурной проблематике употребляется со значениями «на грани культур», «на пересечении культур», «столкновение культур», что, по мнению исследователей, подчёркивает проблематичность обозначенного им типа общения и акцентирует, прежде всего, различия, а не сходства (см.: [59]).

воспроизводят действительность на “метаязыке” своих национальных образов мира> и «иной» <которую содержит в себе тот естественный язык, на котором написано произведение>» [49. С. 4]. Специфика такого творчества на фоне изначальной мифологичности словесно-художественного творчества состоит в том, что эти писатели «обращаются к мифологическому пратексту *осознанно, педалируют* этот аспект своей поэтики, т. к. именно этот пратекст – сгусток аксиологической, культурной, исторической картины мира народа, принадлежность к которому таким образом позиционируют писатели» [49. С. 7].

Творчество этноязычных писателей конца XX в., по мнению исследователей, вписывается в поле транскультуры, под которой понимают «состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам» [50. С. 242–243] и эстетика которой в эпоху глобализации во многих случаях заменяет, по мнению М. Глостановой, прежнюю модель национальной / мировой литературы (см.: [18]). Феномен «транскультуры» как культуры полилога культур «реализуется вне территориальных, историко-культурных, ментальных границ как полифоническое целое множества “живых” культур, виртуализированных в процессе коммуникации». В частности, благодаря интернет-коммуникации транскультурализация позволяет диаспорным культурам заявить о себе сквозь границы национально-государственных пространств, «вопреки им» [51]. В отличие от кросскультурной ситуации, в транскультурном пространстве культуры встречаются и взаимодействуют, не сливаясь одна с другой (см.: [18. С. 28]). Определения такого творчества (интеркультура, национальное зарубежье и т. п.), как считает Э.Ф. Шафранская, всегда исходят из способности человека / писателя существовать / творить в разных культурах, решая для себя самого, к какой культуре принадлежать, для кого писать свои произведения (см.: [49. С. 3]).

Примером этого варианта специфических проявлений мультикультурализма в сфере художественного творчества считают порождённый советской эпохой «дружбы народов» феномен «русскоязычной» литературы, уникальность которого, по мнению Э. Ф. Шафранской, заключается в том, что «такого феномена больше не будет», поскольку он – «продукт империи» [49. С. 4]. Российские писатели-референты иноэтнокультуры, этнокультурный текст русской литературы как *другой* русской литературы, рассказывающей на русском языке о нероссийской действительности, – эти номинации предусматривают двойную принадлежность означенного ими феномена, который, с одной стороны, является «продуктом», проекцией, «сублимацией» перипетий советской истории, а с другой («более масштабной») стороны, есть «отражение мировой парадигмы современности: вхождение в “глобальную деревню”, повлиявшую не только на мировую экономику, политику, но и на индивидуальное творчество» [49. С. 3]. Благодаря этому «номинации “национальные литературы”, “своеобразие национальных литератур”, выйдя из поля советской официально-идеологической парадигмы, не стали <в современном российском литературоведении> маргинальными» и российские учёные не утратили интерес к проблеме национальных образов мира, направив свои исследования «против распространённого стереотипа, что русская литература только о русских и созданная только русскими писателями» [49.

С. 37]. Диссертационное исследование Э.Ф. Шафранской «Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв.» (2008), основанное на анализе творчества Д. Рубиной, Т. Пулатова, Сухбата Афлатуни, Т. Зуньфикарова, Ч. Айтматова, Ф. Горенштейна, А. Волоса, Л. Улицкой, акцентирует не «безусловное преимущество» российского над нероссийским, а «разность, инакость, ориентированные на шкалу выразительности, образности, связанной с разной ментальностью, ценной в контексте мировой культуры и потому *обязательной* для знакомства с ней человека, ориентированного на гуманизирующую интенцию» [49. С. 34–35].

Наконец, следует сказать о таком специфическом порождении глобализационных процессов в сфере культурно-художественного сознания, как *интеркультурализм*, который, по словам Н. Буррио, является альтернативой «глобализованному» пониманию современного искусства, куда входит и мультикультурализм как вариант линейных внутрикультурных взаимодействий. Исходя из утверждения, что «существуют не чистые культурные биотопы, а традиции и культурные особенности, пронизанные экономической глобализацией», интеркультурализм «основывается на двойном диалоге, определяющем предмет сегодняшних международных дискуссий в художественной сфере. Первый из этих диалогов художник ведет со своей национальной традицией, тогда как второй ведется между национальной традицией и совокупностью эстетических ценностей, унаследованных от искусства модерна. Такие значительные художники-интеркультуралисты, как Риркрит Тираванийя, Навин Раванчайкул, Паскаль Мартин Тайю, Субодх Гупта, Хери Доно и Ким Суджа, используют художественный язык, восходящий к матрице модернизма, и пересматривают историю авангарда в свете окружающей их визуальной и интеллектуальной среды. Качество работы художника зависит от богатства его связей с миром, которые в той или иной степени определяются экономической структурой, – даже если каждый художник располагает в теории средствами их избежать или порвать с ними» [42].

В то же время, рассматривая сегодня проявления мультикультурализма исключительно в сфере искусства, есть смысл обратить особое внимание на слова Жана-Люка Годара, которые он любил часто повторять: «Культура – это правило, искусство – исключение» (цит. по: [42]). Они позволяют, с моей точки зрения, акцентировать, что между культурой и искусством существуют не только отношения «правило – исключение», когда исключение только подтверждает правило, но и отношения оппозиционности, при которых исключение можно считать чем-то таким, что не подпадает под действие правила, открыто противоречит ему и существует именно в регистре несогласия, отличия, противодействия вплоть до протеста.

Поскольку культура в широком значении слова включает в себя преимущественно продукты нехудожественной деятельности, она находится с искусством в отношениях противостояния и по отношению к ней и её составляющим сохраняют свою силу экстралитературные факторы. Искусство же противостоит культуре в том смысле, в котором художественная реальность противостоит внехудожественной действительности. Когда современное искусство, отступая, как пишет Н. Буррио, от функции изображения, становится частью внехудожественной действительности, оно, перенося на

себя её атрибуты, вступает в противодействие с самим собой как художественной реальностью, причём на стороне внехудожественной действительности. Вот почему, рассматривая искусство в мультикультурной ситуации, важно учитывать следующее: в той степени, в которой анализированные явления принадлежат искусству как вторичной моделирующей системе, они входят в общую парадигму его отношений с окружающим внехудожественным миром, в частности, снимается линейность отношений текста с внетекстовой реальностью и ликвидируется тоталитарность в отношениях автор / читатель, интерпретатор / читатель, произведение / читатель (см. об этом: [52. С. 194–241]). То, что в общественно-политической или социально-экономической сфере может утрачивать значимость и возможность реализации, в собственно художественной сфере их сохраняет. Это касается, прежде всего, диалогической природы искусства и, соответственно, диалогичности как базовой интенции акта понимания, на осуществление которого нацелено литературоведение как гуманитарная наука. Поэтому в науке о литературе особенное значение приобретает системная методологическая работа, направленная как минимум на синтез теории диалогизма М.М. Бахтина, философской герменевтики Х.-Г. Гадамера и концептуальных идей в области семиотики и типологии культуры Ю.М. Лотмана.

Приступая к освещению отношений между мультикультурализмом, литературоведением и художественной литературой, стоит учитывать следующие аспекты.

А. Понятие современности искусства не сводится исключительно к новейшим формам художественной деятельности, потому что действенно-историческое сознание всегда имеет дело с целостным художественным наследием, с самыми разнообразными способами его эксплицитного и имплицитного присутствия и имеет возможность обратиться к любому из его составляющих. Имеют смысл и следующие размышления И.М. Дзюбы: «Будущее покажет, действительно ли... “международные” авторы – предвестники искусства XXI столетия... или это лишь один из вызовов, на которые культуры человечества отвечали и ещё будут отвечать... Структуры культуры, при всей динамике импульсов, в действительности более устойчивые, нежели может показаться с точки зрения всегда суетной современности» [53. С. 28].

Б. Мультикультурализм входит в искусство литературы в той степени, в какой он относится к материалу художественного творчества. Вхождение мультикультурного фактора в литературоведческий дискурс зависит от того, насколько в художественных произведениях воплощается разнообразный опыт мультикультурных общественно-исторических условий и отношений, а литература, как механизм культурно-семантической трансформации, соотносится с внелитературной действительностью. При этом литературно-художественные тексты различной «методной» и жанрово-стилевой принадлежности способны настолько полно представлять модели общественно-исторических явлений, что могут использоваться в нехудожественной сфере как варианты эвристических построений объекта разных наук. Поэтому каждой из них, включая науку о литературе, нужно определить приоритетные зоны собственной компетенции, в частности решать вопрос, нужен ли ей

какой-то особый инструментарий для анализа мультикультурной проблематики или вполне достаточным остаётся традиционный терминологический набор.

В. Любая развитая литературная традиция является изначально синтетической, а противопоставление традиции и новаторства имеет в искусстве неабсолютный характер, когда новаторство предстаёт способом живого существования и формой актуальной реализации традиции (см.: [52, 164–167])¹⁰. Синтетичность требует, чтобы рецептивное сознание и, прежде всего, сознание исследователя как метачитателя, с целью выяснения механизма смыслообразования выдело те элементы, которые участвуют в синтезе.

Г. Национальные литературные процессы, функционирующие в мультикультурных условиях, формируются всем векторным разнообразием мультикультурных проявлений с широчайшей амплитудой интегрирующих и дифференцирующих отношений между ними. При этом общее толкование мультикультурализма как *интертекста*, т. е. диалога культур в условиях глобализации (см.: [51]), в искусстве требует существенной коррекции с учётом того, что интертекстуальность является одной из базовых интенций художественного произведения и её нужно отличать от интертекстуальности как особым образом нагруженного приёма / признака (включая случай демонстративно обнажённого приёма). Они взаимосвязаны, но не тождественны: мультикультурализм в смысле межтекстового взаимодействия как варианта многообразных «отношений с Другим» (реминисценции, аллюзии, ассоциации, цитаты, заимствования и т. п.) манифестирует ту исходную внутреннюю ситуацию художественной сферы, при которой произведение для полноты своего проявления требует других произведений вплоть до самых широких горизонтов текстового поля искусства. Другое дело – когда, как, например, в творчестве английских писателей от Д. Фаулза до П. Акройда и Д. Барнса, интертекстуальность выступает источником эволюции британского постмодернизма, связанной с изменениями концепции личности, подхода к историческому материалу и нарративной традиции в целом, когда, по словам современного исследователя, поиск «своего» становится блужданием в неясностях текста и осуществляется путём полимпсестного переписывания тотального архива накопленной избыточной культуры (мировой библиотеки) (см. об этом: [54]). Если же интертекст выступает механизмом реализации интегративно-адаптационного потенциала национальной литературы (её способности адаптироваться в новом общественно-историческом пространстве), мультикультурализм может рассматриваться как форма литературного возрождения, когда воплощённый в национальной литературной традиции «национальный менталитет» может оказаться действенным средством поддержки параллельного существования мультикультурализма и конкретной национальной идентичности: «Если традиционная национальная история литературы желает выжить, ей придётся адаптироваться к этим новым условиям со всей гибкостью и податливостью, на которые она только способна. Живой

¹⁰ Напомним, что постмодернизм иногда рассматривают как развитие модернизма (см., например: [60. С. 254]; [61]), а значит, можно считать, что в широкой историко-литературной перспективе он способен утрачивать свою декларированную авангардность.

пример тому — новая «Оксфордская история английской литературы» в тридцати томах». Два её последних тома должны выразить соотношение между самыми разнообразными вариантами интерпретации понятия «английскость», амплитуда которых колеблется между объявлением полной устарелости самой «идеи английской литературы» и апологией мультикультурализма как возрождения этой идеи. Над реализацией первой интенции в томе «1960–2000: закат Англии» («1960–2000: The Last of England») работает шотландец Рэндалл Стивенсон, а над второй в томе «1948–2000: интернационализация английской литературы» («1948–2000: The Internationalisation of English Literature») – канадец Брюс Кинг. Таким способом, подытоживает Г. Тиханов, «новая оксфордская история английской литературы пытается перевести изрядно истощённое национальное повествование в тональность глобализма с его культурным многообразием» [55].

Д. Литературоведческое исследование художественного творчества в мультикультурных центрах по-своему актуализирует вопрос о роли и функциях художественного перевода как варианта интерпретационного бытия и формы популяризации в своей культурной среде поэтической культуры «Другого». Примером может служить активная переводческая деятельность, включая и составление антологий чужеземной лирики, черновицких немецкоязычных поэтов, выходцев из ассимилированных еврейских семей, которые уже издавна отдали преимущество немецкому языку и немецкой культурной традиции. Таким способом эти поэты стремились, по мнению П.В. Рыхло, «расширить горизонты изолированной в узком географическом пространстве островной немецкой культуры... преодолеть комплекс провинциальной неполноценности и интегрироваться <посредством открытости собственного творчества разноязычным литературам, идеям, мотивам> в контексте мировой литературы». Да и само понятие «мировая литература», скажем, для такого мультикультурного поэта, как Пауль Целан, «было насыщено... вполне конкретным смыслом»: мировой культурный арсенал стал «непременным интертекстуальным фактором» его поэзии, которая «в живом диалоге с ним... артикулирует себя как уникальный онтологический и художественный феномен, который постоянно подпитывается элементами, почерпнутыми из сокровищницы мировой культуры». В свете «целановского поэтического постулата, в соответствии с которым стихотворение является встречей с „Другим“, перевод уже по своей природе выступает медиумом духовных связей, “меридианом”, соединяющим отдалённые один от другого культурные миры, содействующим их взаимному познанию и сближению». При этом публикация переводческого наследия П. Целана рядом с соответствующими оригиналами произведений придаёт понятию мировой литературы новое качество, связанное с появлением в результате развития современной поэзии «мирового поэтического языка» (Ханс Магнус Энциенсбергер), который «говорит многими языками», «пользуется национальными языками как своими диалектами» и одновременно предусматривает обязательное присутствие оригинала. В этом случае, подытоживает П.В. Рыхло, «понятие мировой литературы включает в себя уже не только абстрактно-условный корпус канонических текстов, но и их конкретную многоязычную реализацию в соединении с первоклассными переводами» [19. С. 216, 217, 219, 223–224].

Е. При всех случаях культурной экспансии, которая сопровождала многочисленные попытки реализовать разнообразные «глобализационные потоки», наблюдающиеся в истории человечества с древнейших времён (см.: [53. С. 24–26]), «универсальные культуры, – отмечает И.М. Дзюба, – создавались в пределах национальных культур и литератур, способных – каждая – дать своё неповторимое и обогащающее видение единого человечества». Когда Шиллер и Гёте творили такую желанную для них мировую литературу, то она «в то же время была немецкой национальной». Это свидетельствует не только о том, что «даже принципиальная транскультурность не спасает от проблемы идентичности», но и вообще о том, что действительно необходимой остаётся такая универсальная культура, в которой универсальность состоит «в широком диапазоне национально-самобытных форм выражения, обогащающих полифонию человечества» [53. С. 28, 26, 29–30], и достигается не в последнюю очередь настойчивой культуросозидательной работой на собственной национальной культурной почве.

Таким образом, обращаясь сегодня к исследованию проявлений мультикультурности в литературно-художественном творчестве и в литературном процессе, стремясь познать влияния мультикультурализма на структурное содержание литературоведческой деятельности, стоит, прежде всего, хорошо осознавать, что всё это связано с вхождением в область одной из наиболее острых социально-политических, экономических, юридических, образовательных и в целом цивилизационных проблем современного человеческого мира. А значит, в литературоведческой деятельности нужно соединять две ключевые интенции: формулу первой находим в начальных стихах известного тютчевского катрена: «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...», а формулу второй – в пьесе Максима Горького «На дне», в которой в начале третьего акта Лука говорит: «...не в слове – дело, а – почему слово говорится? – вот в чём дело!» Ведь на исследователя-литературоведа возложена особая ответственность за последствия его работы, зависящие от его профессиональной методологической последовательности, позволяющей литературоведческому исследованию быть именно тем видом культуросозидательной гуманитарной деятельности, который, по словам Д.С. Лихачёва, призван максимально содействовать развитию эстетической восприимчивости как той составляющей социальности человека, которая противостоит экстремизму и шовинизму, базируясь на толерантности в отношении иноязычных культур, а также таких, которые принадлежат различным историческим эпохам (см.: [56. С. 450]).

Именно с учётом этого обстоятельства литературоведение может своевременно и адекватно откликнуться на запросы актуального времени, сможет сделать свой особенный вклад в изменяющийся мир глобальный диалог, а значит, обезопасит себя и гуманитарные науки в целом от угрозы того упадка и маргинализации, о которой предупреждают Масао Майоси, Джайлз Ганк и др. (см. об этом: [57. С. 12–13]).

Если мы не хотим усиливать продуктами своей деятельности разрушительные мировые тенденции и непонимание между членами как собственного общества, так и разноликого человеческого сообщества в целом, то должны сознательно исходить из того постулата, что никто в этом мире не имеет

никаких прав на любую надменность в отношении к «Другому», так как не только каждая историческая эпоха, как считал Л. фон Ранке (см. об этом: [58. С. 125]; или: [52. С. 163–164]), но и каждый народ и его культура «по-своему непосредственно обращены» к Богу. В связи с этим важно последовательно придерживаться должного уровня профессиональной компетентности результатов гуманитарной деятельности, ведь именно наукообразность, базирующаяся на неосведомлённости, вненаучной заангажированности, предвзятости и поверхностности суждений и – что особенно характерно для литературоведческой сферы – на смешении собственно эвристически-гносеологических задач с задачами популяризации (см. об этом: [56. С. 452–453]) создают те псевдонаучные гибриды, которые не только способны вытеснить науку, но и непосредственно питают самые негативные и самые опасные общественные тенденции, мировоззренческие и психологические типы общественного сознания.

Литература

1. Рикёр П. История и истина: Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с. (Сер. Gallicinium).
2. Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 400 с. Режим доступа: <http://www.viscult.edu.lt/article.php?id=436>
3. Американська література на рубежі XX–XXI століть: Матеріали II Міжнар. конф. з літератури США, Київ, 24–26 вересня 2002 р. / Відділ преси, освіти та культури посольства США в Україні; Ін-т л-ри ім. Т.Г. Шевченка НАН України; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка; Ін-т міжнародних відносин / Т.Н. Денисова (ред. та уклад.). Київ: Вид-во Ін-ту міжнародних відносин, 2004. 592 с.
4. Американська література після середини XX століття: Матеріали міжнар. конф., Київ, 25–27 травня 1999 р. / Ін-т л-ри ім. Т.Г. Шевченка НАН України; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка; Ін-т міжнародних відносин / М.Г. Жулинський (ред.), Т.Н. Денисова (уклад.). Київ: Довіра, 2000. 367 с.
5. Головна течія – гетерогенність – канон в сучасній американській літературі: Матеріали III Міжнар. конф. з амер. л-ри, Київ, 3–5 жовтня 2005 р. / Відділ преси, освіти та культури посольства США в Україні; Ін-т л-ри ім. Т.Г. Шевченка НАН України; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка; Ін-т міжнародних відносин / Т.Н. Денисова (головний ред. та уклад.). Київ: Факт, 2006. 607 с.
6. Жанровое разнообразие современной прозы Запада / Отв. ред. Д.В. Затонский. Киев: Наук. думка, 1989. 298, [2] с.
7. Денисова Т.Н. История американской литературы XX столетия: Навч. посібник для вузів. Київ: Довіра, 2002. 318 с.
8. Денисова Т.Н. Роман і романісти США XX століття. Київ: Дніпро, 1990. 363 с.
9. Американські літературні студії в Україні. Київ, 2004. Вип. 1: Пуританська традиція у літературі США. 260 с.
10. Американські літературні студії в Україні. Київ, 2005. Вип. 2: Просвітницька традиція у літературі США. 350 с.
11. Американські літературні студії в Україні. Київ, 2006. Вип. 3: Література США: роздуми, есеї, розвідки. 400 с.
12. Воронченко Т. На перехресті світів: мексикано-американський феномен в літературі США. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та, 1998. 204 с.
13. Ткаченко І.В. Проблематика і художня специфіка романної прози Еліс Уокер: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2001. 18 с. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/11206.html>
14. Стулов Ю.В. Маргинальный герой в современном афро-американском романе // Матеріали щорічної наук. конф. преподавателей и аспирантов университета, 24–25 апр. 2007 г.: В 5 ч. Ч. 5 / Отв. ред. Н.П. Баранова. Минск, 2007. С. 102–105.

15. *Стулов Ю.В.* Нужно ли пересматривать американский литературный канон? // Вісник Дніпропетровського ун-ту. Сер. Літературознавство. Журналістика. Дніпропетровськ, 2007. Вип. 1. С. 181–185.
16. *Стулов Ю.В.* Проблема канона в современном американском литературоведении // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф. (3–6 мая 2006 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 444–453.
17. *Стулов Ю.В.* Американский литературный канон в эпоху мультикультурализма // Открытый мир: мультикультурный дискурс и межкультурные коммуникации: Материалы междунар. симпозиума в рамках междунар. конф. «Грансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия», 22–24 сентября 2006 г. Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2006. С. 139–144.
18. *Глостанова М.В.* Постсоветская литература и эстетика транскультурации: Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.
19. *Рихло П.В.* Поетика діалогу: Творчість Пауля Целана як інтертекст. Чернівці: Рута, 2005. 584 с.
20. *Рихло П.В.* Шібболет: Пошуки єврейської ідентичності в німецькомовній поезії Буковини. Чернівці: Книга-XXI, 2008. 304 с.
21. *Михед П.В.* Заметки к проекту “История русскоязычной литературы Украины” // Радуга. 2006. № 3. С. 122–129.
22. *Мазена Н.Р.* Современная украинская русскоязычная поэзия: двойной контекст // Радуга. 2006. № 3. С. 130–137.
23. *Козлик И.В.* История русскоязычной литературы Украины: какова она? // Радуга. 2006. № 3. С. 138–149.
24. *История русскоязычной литературы Украины* <Сайт научного проекта>. Режим доступа: <http://www.russistica.narod.ru/irlua/index.htm>
25. *Мультикультуралізм: Історія виникнення.* Режим доступа: <http://traditio.ru/wiki/%D0%9C%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B8%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>
26. *Мамонова В. А.* Мультикультуралізм: різноманітність і багатоманітність. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/606/32/>
27. *Дрожжина С.* Мультикультуралізм: теоретичні і практичні аспекти. Режим доступа: <http://www.politik.org.ua/vid/magcontentent.php3?m=1&n=85&c=2097>
28. *Мультикультуралізм.* Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org> (или: <http://mirslovarei.com> или: <http://traditio.ru>).
29. *Би-би-си.* В мире. Что означает мультикультуралізм? Мнение. Брайан Уолден. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/international/newsid_6191000/6191261.stm
30. *Малахов В.* Зачем России мультикультуралізм? Режим доступа: http://archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/multi/
31. *Ушанова И.А.* Глобализация и мультикультуралізм: пути развития. Режим доступа: <http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/B5474AE10A352555C3256F1F0049D1F2>
32. *Глобальный демографический переход и мультикультуралізм: Очередной семинар ИДЕМ ГУ-ВШЭ.* Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0321/nauka03.php>
33. *Гриценко О.А., Гончаренко Н.К., Мягка С.А.* Державна політика щодо культурного розмаїття та етнічних меншин: порівняльний аналіз вітчизняних та зарубіжних підходів. Мультикультуралізм, багатокультурність, полікультурність / Український центр культурних досліджень Міністерства культури і туризму України. Режим доступа: http://www.culturalstudies.in.ua/zv_2005_1_9.php.htm
34. *Ошеров В.М.* Что случилось с «плавильным котлом»? Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/11/osh.html
35. *Малахов В.С.* Мультикультуралізм и идеология «инаковости». Режим доступа: <http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/7inak.htm>
36. *Малахов В.* Культурный плюрализм versus мультикультуралізм // Логос. 2000. № 5–6. С. 159–166. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_01.htm
37. *Мультикультуралізм: pro et contra.* Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/
38. *Кукатас Ч.* Теоретические основы мультикультуралізма / Научно-исследовательский Центр Мизеса. Режим доступа: <http://liberty-belarus.info/content/view/1628/56/>
39. *Мультикультуралізм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Гишкова. М.: Ин-т этнологии РАН, 2002. 356 с.

40. *Чернышевский И.* За кулисами. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_48-pr.html
41. *Тишков В.* После многонациональности. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/after/
42. *Буррио Н.* Глобализация и апроприация. Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/56/4/>
43. *Высоцкая Н.* Транскультура или культура в транс? // *Вопр. лит.* 2004. № 2. С. 3–24.
44. *Жижек С.* Интерпассивность, или Как наслаждаться посредством Другого: Желание: Влечение; Мультикультурализм / Пер. с англ. А. Смирнова; Под ред. В. Мазина, Г. Рогоняна. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
45. *Пахсарьян Н.Т.* Теория постмодернизма и современный французский роман. Режим доступа: http://natapa.msk.ru/biblio/sborniki/andreevskie_chteniya/pakhsarian.htm
46. *Тейлор Ч.* Демократическое исключение (и «лекарство» от него?). Режим доступа: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/exclusion/
47. *Ежов П.С.* Художественное своеобразие прозы М. Ондаатже: Эволюция творчества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 18, [1] с. Режим доступа: http://orel3.rsl.ru/dissert/ezhov_p_s/EBD_453A_ezhovPS.pdf
48. *Гайто* Гайзданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. тр. ИНИОН РАН: Центр гуманитарных научно-информационных исследований (отдел литературоведения). Библиотека-фонд «Русское зарубежье» / Сост. Т.Н. Красавченко (отв. ред.), М.А. Васильева, Ф.Х. Хадонова. М., 2005. 344 с.
49. *Шафранская Э.Ф.* Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 39, [1] с.
50. *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
51. *Мамонова В.А.* Глобализация в пространстве культуры: векторы развития. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/534/31/>
52. *Козлик І.В.* Теоретичне вивчення філософської лірики і актуальні проблеми сучасного літературознавства. Івано-Франківськ: Поліскан: Гостинець, 2007. 591 с.
53. *Дзюба І.* Глобалізація і майбутнє культури // *Слово і Час.* 2008. № 9. С. 23–30.
54. *Кусков С.И.* Палимпсест постмодернизма как «сохранение следов традиции» // *Вопросы искусствознания.* 1993. № 2–3. С. 213–225.
55. *Тиханов Г.* Будущее истории литературы: Три вызова XXI: (Авториз. пер. с англ.). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/tih-pr.html>
56. *Лихачёв Д.С.* Об общественной ответственности литературоведения (1976) // *Лихачёв Д.С. Избр. работы: В 3 т. Л.: Наука, 1987. Т. 3. С. 449–453.*
57. *Высоцкая Н.* Транскультура или культура в транс? // *Вопр. лит.* 2004. № 2. С. 3–24.
58. *Козлик І.В.* Вступ до історії західноєвропейської літератури середньовічної цивілізації. Історико-літературний макроетап рефлексивного традиціоналізму: Доба Середньовіччя та епоха Відродження. Івано-Франківськ: Поліскан; Гостинець, 2003. 341 с.
59. *Кузнецова С.* Что такое кросскультурные коммуникации. Режим доступа: <http://www.crossculture.ru/chtotakoe.htm>
60. *Андреев Л.Г.* От «заката Европы» к «Концу истории» // *На границах литературных эпох: Зарубежная литература от Средневековья до современности* / Под. ред. Л.Г. Андреева. М., 2000. С. 240–255.
61. *Панова О.Ю.* От постмодернизма – к реализму?: (Заметки об англо-американской прозе 1970–1990-х). Режим доступа: http://natapa.msk.ru/biblio/sborniki/andreevskie_chteniya/panova.htm